

Идя впереди, Ханс не мог не воскликнуть:

— Ты, должно быть, самый быстрый по зачислению студент за всю историю нашего училища, и к тому же единственный боевой омега.

До встречи с Цюэ Цю он никогда не знал, что в мире бывали такие красивые омеги, и тем более не знал, что бывали такие красивые и при этом сильные омеги.

Цюэ Цю, слегка похлопывая по карману, чтобы успокоить Маомао, ответил:

— Дальше размещение в общежитии?

Ханс кивнул:

— Жилой район академии разделён на три части: общежитие для альф, общежитие для бет и общежитие для омег. Между каждым общежитием установлены барьеры, блокирующие феромоны, чтобы избежать несчастных случаев.

Во время разговора они добрались до жилого района, и первым на пути стояло общежитие для альф.

— В академии больше всего студентов-альф, поэтому и общежитий у них больше. В одной комнате проживает четыре человека.

Цюэ Цю поднял голову, осматривая группу зданий перед собой: в целом они были чёрного цвета. Стены казались грубыми, словно их только что построили и сразу ввели в эксплуатацию, даже без должного декоративного оформления.

Затем шёл район общежитий для бет, точно такой же, как и предыдущий для альф, только по количеству зданий здесь было меньше.

Они прошли через два района, и хотя было время занятий, а в общежитиях — мало студентов, но везде, где они появлялись, они привлекали к себе очень много внимания.

Цюэ Цю шёл среди группы обычных бет и альф с самыми разными животными чертами, и даже если Ханс поддерживал порядок, было невозможно избежать бесчисленных взглядов, направленных на него.

Любопытные, восхищённые, пылкие...

Они, словно самые фанатичные верующие, увидевшие чудо, безумно жаждали, чтобы его

взгляд упал на них.

Особенно альфы. В глазах каждого читалась переполняющая жажда.

Цюэ Цю едва заметно нахмурился. Он не столько был против взглядов этих людей, сколько испытывал недоумение.

Этот взгляд... словно у растения, умирающего от засухи, будто с самого прорастания оно не получило ни капли влаги.

Цюэ Цю даже почувствовал нечто шокирующее. Он не знал, как долго и как сильно эти альфы мучились от генетической болезни, подавляя себя, чтобы проявлять такую болезненную жажду к омегам.

Ханс решил, что Цюэ Цю просто не мог вынести столько внимания, ведь омеги всегда больше всего ненавидели, когда на них смотрели альфы, и поспешил сказать:

— Не обращай внимания. Каждый раз, когда приходит новый омега, эти парни так себя ведут. Они просто слишком рады и не знают, как выразиться. У них нет дурных намерений.

В это Цюэ Цю верил. Не говоря уже о встреченном при проверке у ворот альфе-ястребе, который, услышав, что он омега, сразу же пропустил его, даже те студенты-альфы, которых он только что видел, хоть и смотрели на него слишком восторженно, явно не имели злых намерений.

— Ничего, — спокойно сказал Цюэ Цю.

Ханс с облегчением вздохнул, не ожидая, что этот, казалось бы, отстранённый омега на самом деле окажется таким приятным в общении. Его характер был лучше, чем у любого другого омеги, с которым он имел дело.

Пока эти альфы страстно смотрели на Цюэ Цю, он одновременно наблюдал за ними.

Он заметил, что у каждого альфы на шее был чёрный кожаный ошейник с пряжкой, очень обычный на вид, похожий на сдерживающий поводок для собак. Возможно, из-за того, что он был слишком тугим, у многих альф слегка выпирал кадык, и с первого взгляда становилось понятно, что им трудно дышать.

Цюэ Цю нахмурился:

— Что это?

Ханс взглянул и безразлично ответил:

— А, это, это специальный сдерживающий ошейник для альф. Согласно имперскому закону, каждый студент-альфа, поступающий в училище после совершеннолетия, должен носить его.

— Сдерживающий ошейник?

Ханс объяснил:

— В этом ошейнике рядом с железой альфы установлен реакционный измеритель феромонов размером с рисовое зёрнышко, способный одновременно улавливать феромоны альф и омег. Когда измеритель обнаруживает омегу рядом с носителем, если концентрация феромонов, произведённых альфой за короткое время, слишком высока, он через проникновение в железу высвобождает высококонцентрированный блокирующий агент, чтобы предотвратить возможные необратимые действия из-за чрезмерного возбуждения при виде омеги. Эффект примерно эквивалентен ингибитору, только безопаснее и безвреднее.

«Безопасно и безвредно?»

Цюэ Цю посмотрел на тех альф в сдерживающих ошейниках. Из-за слишком жёсткого края кожи у многих из них на соприкасающихся участках кожи образовались толстые мозоли. Более того, на местах соприкосновения были наклеены пластыри. Нетрудно представить, что под ними кожа была уже стёрта до красноты и кровоточила.

В дополнение к ненужной физической боли, самое главное — это то, что человек должен носить на шее нечто, похожее на собачий ошейник.

Он не знал, как на это реагировать.

Испытывать жалость или гнев?

Но самим альфам это не казалось чем-то неправильным: хотя из-за слишком тугого ошейника им было трудно дышать, и они пальцами оттягивали кожаную кромку, чтобы получить мгновенное, ограниченное «освобождение», но только этим всё и ограничивалось.

Цюэ Цю посмотрел на Ханса:

— Но у тебя его нет.

Ханс сказал:

— Во время учёбы я тоже носил такой сдерживающий ошейник, четыре года. Сначала было очень некомфортно, и даже глотать во время еды становилось сложно. Не говоря уже о тренировках, даже ночью во сне из-за внезапной нехватки дыхания можно было проснуться от удушья. Однако со временем я привык.

— Было больно? — тихо спросил Цюэ Цю.

Ханс не расслышал:

— Что?

До этого никто никогда не интересовался, причинял ли сдерживающий ошейник боль.

Омега перед ним указал на его шею и тихо спросил своим мягким юношеским голосом:

— Больно ли железам, когда игла реактора вводит блокиратор?

Эти слова заставили Ханса инстинктивно поднять руку и потрогать заднюю часть шеи. Он ощутил неровную поверхность на том месте, где должна была быть гладкая мягкая кожа, и с горькой усмешкой сказал:

— Конечно, боль всё ещё есть, ведь это укол иглой. К тому же, когда тело с радостью выделяет феромоны, внезапное прерывание высокой концентрацией блокиратора вызывает головокружительное чувство тошноты, и тогда уже не чувствуешь феромонов омеги. Такое чувство, как сказать... словно, наслаждаясь пейзажем, ты внезапно ослеп и полностью погрузился в темноту. Тут же поднимается паника.

Такая боль и паника возникала не один или два раза. Альфы, как Ханс, четыре года должны были постоянно терпеть это бесчисленное количество раз.

Хотя это было очень трудно переносить, Ханс говорил об этом легко:

— После многократных тренировок можно гарантировать, что альфы даже без сдерживающего ошейника не будут проявлять чрезмерного поведения, и тогда больше не нужно носить сдерживающий ошейник. Альфы, не прошедшие такие тренировки, должны пожизненно вводить ингибиторы в установленное время, даже во время эструса.

Цюэ Цю больше не говорил. Он молча шёл за Хансом и невольно подумал о тех альфах, которых видел раньше, со сдерживающими ошейниками на шеях.

При виде его они проявляли видимое волнение, но за этим инстинктивным волнением, возможно, скрывалась боль, о которой говорил Ханс.

Альфы инстинктивно чувствовали радость при виде омеги. И эта радость, словно роза, поцелованная солнцем, омытая росой и поглаженная ветром, — интуитивный выбор, заложенный в генах, неконтролируемая природа.

Такая искусственная подавляющая природу тренировка, чем отличалась от дрессировки собак? И разве она не приводила к увеличению развития генетической болезни среди альф?

Они молча шли всю дорогу и вскоре прибыли в последний район общежитий для омег. В отличие от предыдущих двух районов, хотя зданий здесь было меньше всего, но судя по внешнему виду, сразу становилось понятно, что сделаны они с наибольшей заботой. Роскошь была сравнима с замком, буквально унижала «трущобы», в которых жили альфы и беты.

И в отличие от «заброшенности» первых двух районов, перед общежитием омег была даже посажена некоторая зелень — в основном кактусы, но и несколько маргариток с другими растениями.

В отличие от умирающих растений в главном городе, здесь их состояние было лучше, по крайней мере, наконец-то не голые. Однако по сравнению с пышностью в воспоминаниях Цюэ Цю, этим растениям было ещё далеко.

Увидев, как маленький омега всё время смотрит на растения, Ханс с удовлетворённым выражением лица произнёс:

— Конечно, омеги всегда больше любят растения.

Цюэ Цю тоже не возражал:

— Их посадили омеги академии?

— Да, только омеги могут так хорошо ухаживать за нежными растениями.

Цюэ Цю: «???»

«Ты серьёзно?»

Цюэ Цю, прислушавшись к словам Ханса, снова посмотрел на растения: тощие кактусы и маргаритки с наполовину пожелтевшими листьями — было ли хоть что-то, соответствующее сказанному им?

И эти явно недоедающие растения — хорошо ухожены? А кактусы и маргаритки — нежные?

Перед сияющими глазами Ханса и переполненными ожиданием взглядами Цюэ Цю действительно не знал, как ему ответить.

Маленький цветок розы: «...»

— Мм, ты прав.

Ханс, удовлетворённый, продолжил представлять:

— Среди всех студентов академии меньше всего студентов-омег. Поэтому не смотри, что район общежитий для омег самый маленький. На самом деле, даже при одном человеке в комнате, они не заполнены.

Цюэ Цю вспомнил, что Ян Шу ранее упоминал: на всей Тёмной планете, вероятно, всего два-три десятка молодых омег, и все они сосредоточены в одном месте. Можно сказать, «много земли, мало людей».

Кроме явного уменьшения количества общежитий, ещё одним заметным изменением было то, что как только они вошли в общежитие для омег, тех альф и бет, которые раньше следовали и глазели повсюду, здесь не было видно. В целом казалось пустынно и тихо.

Ханс продолжил:

— В район общежитий для омег, кроме учителей, не разрешается входить студентам-альфам и бетам. Даже обслуживающий персонал, необходимый для поддержания повседневной учёбы и жизни, должен состоять только из бет. Прозрачные барьеры, которые ты видел, проходя мимо предыдущих районов общежитий, предназначены для предотвращения реакции феромонов между альфами и омегами, чтобы не возник бунт феромонов.

Цюэ Цю незаметно оглядывал роскошный розовый замок перед собой и, естественно, заметил, что эта академия относилась к студентам-альфам как к настоящей напасти.

Затем он посмотрел на Ханса перед собой — тот сам являлся настоящим альфой, но, объясняя эти правила, явно направленные против альф, с начала до конца не проявил ни капли недовольства.

Словно он уже давно привык к таким правилам.

Правилам, которые рассматривали альф как расходный материал, омег — как специфическое лекарство, а бет вообще полностью игнорировали.

Цюэ Цю медленно сжал кулаки.

Маомао, казалось, почувствовал его необычные эмоции и послушно потёрся мягкой головкой и усиками о карман, пытаясь оказать немного положительной эмоциональной поддержки.

Но его действия лишь заставили Цюэ Цю почувствовать себя ещё более горько.

Он невольно подумал о Маомао.

Маомао тоже был альфой. Когда он вырастет, не придётся ли и ему, как тем альфам, носить ошейник для собак, полностью подавлять свою природу и постепенно превращаться в подходящий расходный материал?

Он пристально смотрел на землю, и его золотистые зрачки, обычно ярче солнца, покрылись пеленой.

Ханс шёл впереди и не заметил, что у маленького омеги позади плохое настроение, продолжая без умолку говорить:

— Скоро дойдём до твоей комнаты. Ты ведь первый среди новичков этого года, кто поступил. Те альфы из твоего набора сейчас, наверное, ещё стоят в очереди на проверку генетического уровня.

Но едва он закончил говорить, как сзади к ним поспешно подбежал бета, остановился и, задыхаясь, сказал:

— По-подождите! Но-новое решение академии: поселить Цюэ Цю в общежитие для альф!

Услышав это, Цюэ Цю ничего не почувствовал, а Ханс уже взволнованно подпрыгнул. Чешуйки по краям его щёк взъерошились.

— Что?! Поселить омегу в общежитии для альф?! Что за небылицы ты несёшь!

Голова того беты закачалась, как у детской игрушки-барабанчика:

— Я тоже не знаю, это решение академии.

— Как это возможно! Директор Гэб и заведующий Янь Вэйли сошли с ума?!

Ханс просто не мог представить, какой переполох могло вызвать помещение омеги в общежитии для альф. С самого рождения он никогда не слышал о том, чтобы альф и омеги селили вместе!

Это было всё равно что поместить жирного нежного ягнёнка в стаю свирепых волков!

Даже если Цюэ Цю оказался омегой уровня S и поступил на боевой факультет, прежде всего он всё же оставался омегой. У него был естественный недостаток перед альфами! Как бы там ни было, нельзя бросать ягнёнка в пасть волку!

Бета уже был готов плакать. Откуда ему знать это? Он всего лишь передавал сообщение.

Цюэ Цю же не был так взволнован, как Ханс. Он ведь не являлся настоящим омегой и чувствовал, что ему всё равно, где жить. Поэтому сейчас ситуация несколько перевернулась: именно ему пришлось успокаивать взбешённого альфу.

— Ничего страшного. Давай сначала послушаем, что скажет этот учитель.

После этих слов Ханс постепенно успокоился, но всё же пристально посмотрел на бету острым взглядом:

— Говори, что происходит?

Бета с благодарностью взглянул на Цюэ Цю, постарался успокоить дыхание и сказал:

— Директор Гэб передал, что раз Цюэ Цю выбрал боевое направление, то согласно обычным правилам академии, общежития боевого факультета должны находиться в одном районе, и что не стоит нарушать правила ради одного человека. К тому же, это будет более полезно для общения Цюэ Цю с однокурсниками-альфами. Солдаты на поле боя должны доверять и поддерживать друг друга, а не быть разделёнными половым статусом, что лишь создаст барьеры между ними. Это не способствует планированию и взаимодействию в бою.

Цюэ Цю почти мог представить выражение лица Гэба, когда тот говорил эти слова. Должно быть, он по-прежнему улыбался, но при этом принял решение, которое никто не мог принять.

Ханс, казалось, тоже не ожидал, что это решение предложил директор Гэб. Его пыл сразу поутих, и он смущённо сказал:

— Директор Гэб... Я думал, это предложил заведующий Янь Вэйли, ведь он...

Бета, передававший сообщение, придерживался того же мнения, что и Ханс.

Пока Ханс ещё не пришёл в себя, Цюэ Цю первым обратился к бете:

— Спасибо, что прибежали сообщить нам. Мы сейчас же отправимся в район общежитий для

альф.

Бета был поражен и обрадован. Хотя он и был учителем, но никогда омега-студент не обращался с ним так вежливо, не говоря уже о благодарности.

Он поспешно покачал головой:

— Ничего, я всего лишь передал сообщение. Тебе нужна помощь? Я могу сопроводить.

Цюэ Цю сказал:

— У меня нет багажа, так что не буду вас беспокоить.

В этот момент Ханс тоже был вынужден смириться с тем, что омегу Цюэ Цю отправляют в общежитие для альф. Его первоначальный подъём настроения полностью угас, и, снова ведя впереди, он уже не шёл так гордо и прямо, как вначале.

Он совершенно не осознавал, что, проведя с Цюэ Цю всего менее полдня, он уже полностью начал думать с другой точки зрения, представляя собой чистейший образ заботливого старого отца.

Это было постепенное, но невероятно быстрое изменение.

Он уныло пожаловался:

— Поселить омегу в общежитии для альф, как такое вообще можно придумать? Даже десять лет генетического заболевания не приводят к таким решениям.

Цюэ Цю же принял это довольно хорошо и как обычно пошёл за Хансом.

Те альфы, который видели, как Цюэ Цю ушёл и сразу вернулся, погрузились в глубокое недоумение.

Они ещё не знали, что в их повседневную жизнь скоро войдёт хрупкий и милый омега. И тем более не знали, какое спасение и свет они обретут после переживания беспросветной тьмы.